

**КАТА
РИОС**

К Л Е Т К А
для
ФЕНИКСА

Сначала – боль, потом – страсть

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ката Риос

Клетка для феникса

<https://litres.ru/74105586>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Ты будешь умолять о пощаде. А потом — полюбишь это». Следователь Алиса разоблачает самых опасных преступников. Но однажды она сама оказывается в лапах сексуального маньяка. И теперь вместо свободы - клетка и жесткое, унижительное принуждение. Ему плевать на ее чувства. Он ломает её день за днём. Час за часом. Прикосновение за прикосновением. Но в один момент Алиса перестаёт быть жертвой. И тогда все меняется. Ведь там, где кончается страх — начинается страсть.

Новая глава - раз в несколько дней.

В статусе "черновик" можно прочитать **БЕСПЛАТНО!**

Содержание

Глава 1. Нулевая жертва	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ката Риос

Клетка для феникса

Глава 1. Нулевая жертва

Она ненавидела этот запах. Запах мокрого асфальта, смешанного с дешевым бензином и остывающим железом. Он всегда появлялся в ноябре, когда небо давило на город тяжелой серой ватой, а дождь шел не переставая, словно природа решила утопить Москву в собственных слезах. Алиса захлопнула дверцу служебного «Фольксвагена» и на секунду замерла, втягивая этот привычный, омерзительный коктейль. Ноги в разношенных ботинках на низком ходу ступили в лужу, и холодная жижа немедленно просочилась сквозь кожу. Черт. Она давно перестала обращать внимание на такие мелочи.

Глубоко внутри, там, где у нормальных людей живет инстинкт самосохранения, у Алисы зияла пустота. Точнее, эта пустота была залита бетоном — ровным, гладким, серым, как стены детского дома, в котором она провела первые шестнадцать лет своей жизни. Она не помнила лиц родителей. Не потому, что была мала, а потому что их просто не существовало в ее личной хронологии. Справка из роддома, папка в архиве, отметка «отказная» — вот и вся родослов-

ная. Ни братьев, ни сестер, ни бабушек, которые ждали бы где-то дома с пирожками. Была только она, Алиса, и этот ее внутренний бетон.

Алиса поправила воротник черной куртки, который постоянно норовил съехать на одно плечо, и подтянула резинку, стягивающую густые, непослушные волосы цвета воронова крыла. Хвост должен быть идеально тугим, чтобы ни одна прядь не выбивалась.

В ее профессии лишние сантиметры свободы — это риск. Она привыкла контролировать всё: каждую прядь волос, каждое движение, каждое слово, каждую эмоцию. Карие глаза, почти черные при плохом освещении, смотрели на мир с откровенной усталой жестокостью. Взгляд человека, который видел слишком много расчлененки, чтобы удивляться человеческой подлости.

Сегодня у Алисы был удачный день. Редкий случай, когда удача была на ее стороне. Она раскрыла дело о серийном душителе за три недели вместо положенных трех месяцев. Урод, который душил проституток и сбрасывал тела в Москву-реку, сидел в изоляторе и, кажется, уже начал заикаться от допросов и просить адвоката.

Алиса сняла перчатки, вымыла руки и чувствовала себя почти человеком. Почти.

— Алис, может, кофе? — крикнул из раскрытой двери подсобки ее напарник, Коля, толстенький и вечно потеющий мужик с добрыми глазами. — Или того, покрепче?

— Не сегодня, Коля, — она выдавила подобие улыбки, от которой у нее свело скулы. — Хочу поскорее домой. В ванну и в тишину.

— Устала? — в глазах Коли сквозила искренняя забота, которую Алиса терпеть не могла.

Эта жалость всегда была для нее хуже пули. Она кивнула, не оборачиваясь. Коля был хорошим человеком. Слишком хорошим для этого отдела. Алиса давно поняла, что хорошие люди здесь долго не живут, либо сбегают в частную практику, либо спиваются. Коля пока держался, но она видела, как его трясёт после каждого трупa. Её не трясло. В ней не осталось нервов, их выжгли еще в детстве, когда она научилась не плакать, чтобы воспитательницы не видели и не били ее своими жирными, тяжелыми ручищами.

Алиса достала ключи и вышла из отдела, направилась к своей машине. «Фольксваген» был старым, поцарапанным, но надежным. Как и она сама. Сев в салон, Алиса завела двигатель и глянула в зеркало заднего вида. В отражении на нее смотрело бледное лицо с острыми скулами и тонкими губами, сжатыми в нитку. Следов косметики — ноль. Она не красилась с выпускного - с тех самых пор, когда мальчишка из старшей группы детдома измазал ее лицо водостойкой тушью из-за того, что она отказалась целоваться с ним. С тех пор косметика была для Алисы, как символ беспомощности.

Дорога до дома заняла двадцать минут. Парковка у ее старой панельной многоэтажки была темной и кривой, как и

большинство московских дворов. Один фонарь не горел, а второй мигал с таким надрывом, будто у него самого кончалась жизнь.

Алиса припарковалась на привычное место, заглушила двигатель и на секунду закрыла глаза. В ушах еще стоял звон допросной комнаты, где душитель, лысый и вислоухий, бубнил свои признания, слюнявя каждое слово.

«Я просто хотел, чтобы их не было, без них мир станет чище».

Алиса открыла глаза. Преступник любит чистоту. А она любит правду. Правда заключалась в том, что убийца — всегда жертва обстоятельств, но это не отменяет того факта, что его нужно закопать под тюрьму на пожизненное. Она вышла из машины, хлопнула дверцей и нажала на брелок. Машина пискнула, моргнув фарами, и погасла.

Тишина двора была неестественной. Даже дождь, казалось, прекратился, повиснув в воздухе мелкими ледяными иголками. Алиса нахмурилась. Интуиция, которую она натренировала до состояния паранойи, дернулась где-то в солнечном сплетении. Она остановилась, оглядываясь по сторонам. Кусты у подъезда, за которыми обычно прятались местные подростки с пивом, были пусты. Света в окнах — минимум. Обычный депрессивный вечер.

«Спокойно, — сказала она мысленно. — Ты просто переработала. Все маньяки сидят в клетках. Угроз нет».

Она сделала еще три шага к подъездной двери. И в этот

момент мир рухнул.

Хруст гравия под ногами был слишком громким для такого мелкого камня. Алиса обернулась, но не успела среагировать. Тень выросла из-за мусорных баков с неестественной, пугающей скоростью. Алиса видела только смазанное пятно черного — то ли капюшон, то ли маска, — а затем ее руку дернуло назад с такой силой, что хрустнул плечевой сустав.

Она не закричала. Крик - это ошибка новичков. Вместо этого Алиса попыталась использовать инерцию, чтобы развернуться и врезать коленом в пах противнику. Но он был слишком быстрым. И слишком сильным. Его рука — огромная, как лопата — скользнула по округлости груди, а потом сжала ее запястье, выворачивая руку за спину. Алиса услышала собственное шипение, похожее на змеиное. Злость затопила страх. Ее, следователя по особо важным, посмели взять в захват на парковке у собственного дома? Бред какой-то!

Это она ловит маньяков и насильников, а не они ее!

— Ты уверен, что хочешь этим заняться? — выдохнула она сквозь зубы, пытаясь нашарить ногой лодыжку нападающего, чтобы пнуть по ней. — У тебя есть три секунды, чтобы отпустить меня, пока я не сломала тебе руку.

Вместо ответа она почувствовала, как его вторая рука легла на ее затылок. Прикосновение было холодным, как прикосновение мертвеца. Алиса вдруг осознала, что он в медицинских перчатках. Силиконовых. Гладких. Это был не

уличный грабитель. Слишком профессионально, слишком бесшумно он действовал.

— А ты смелая, — раздался голос у самого уха.

Голос, от которого по позвоночнику пробежал электрический разряд. Низкий, бархатистый, с ледяной улыбкой, которую она не могла видеть, но чувствовала кожей. — Мне нравится. Будет интересно сломать тебя.

— Пошел ты, — огрызнулась она, дергаясь сильнее.

И тут произошло то, чего она не учла. Помимо рук, у него было третье оружие. Алиса замерла. Она знала этот запах. Она нюхала его в моргах, когда вскрывали жертв передозировки. Хлороформ. Или что-то похожее, но более концентрированное.

— Отпусти... — прохрипела она, и в голосе впервые за много лет проскользнула нотка, похожая на панику. — Я... следовательно. Если ты...

— Я знаю, кто ты, Алиса, — перебил он, и его голос стал тихим, почти ласковым. — Я знаю о тебе всё. Как ты ненавидишь прикосновения. Как ты спишь с пистолетом под подушкой. Знаю, что ненавидишь слабых и любишь черный кофе без сахара. — Он приблизился вплотную, и она почувствовала тепло его тела, такое парадоксальное в этом холоде. — Я долго ждал этого момента.

Ее мозг лихорадочно работал, перебирая лица, дела. Она вспоминала последних осужденных и оправданных. Кто? Кому она перешла дорогу настолько, чтобы организовать та-

кое? В ее голове пронеслась сотня имен, но ни одно не вязалось с этим голосом. В этом голосе не было ненависти. В нем было что-то гораздо страшнее — спокойствие.

Она дернулась в последний раз, вкладывая всю свою ярость, весь свой бетон, всю свою неприступность в этот рывок. Но стальные пальцы мужчины сжались сильнее, и влажная ткань, пропитанная химией, прижалась к ее ноздрям.

Вдох.

Легкие обожгло ледяным огнем. Алиса закашлялась, чувствуя, как мир начинает плыть, терять четкость и цвет. Дождь больше не казался холодным, он стал теплым, как кровь. Фонарь напротив расплылся в оранжевое пятно, похожее на огромный, злобный зрачок.

— Ну же, не сопротивляйся, — прошептал он, и в его голосе послышалось нетерпение голодного зверя. — Я не хочу причинять тебе боль. Пока не хочу.

Это была последняя фраза, которую услышала Алиса.

Рука, державшая ее за затылок, дернула голову вверх, и Алиса на мгновение увидела его лицо. Высокий лоб, темные глаза без единой эмоции, тонкие губы, кривящиеся в подобии улыбки. Идеальные черты, как у античной статуи. Холодные. Безжизненные. Красивые.

Она попыталась плюнуть ему в лицо, но из горла вырвался только хриплый выдох. Сознание начало отключаться, как телевизор, который выдернули из розетки. Картинка погасла не сразу. Сначала пропали звуки — хруст его ботинок, шум

дождя, биение собственного сердца. Потом исчезли краски, оставив лишь серый пепел. И наконец, чувства. Она перестала чувствовать боль в плече, холод от прикосновения его пальцев.

Осталась только тьма. Густая, вязкая, абсолютная. Тьма, которая пахла бетоном и страхом — тем самым, детским, которым она не позволяла себе вспоминать последние двадцать лет.

Последняя мысль, пронесшаяся в угасающем сознании, была ироничной и горькой: «Ну вот и все. Я копалась в трупах, и теперь я сама скоро стану одной из них. Нулевая жертва. Да пошло все на ».

Тогда Алиса еще не знала, что это было только начало. Пролог к пьесе, где ей предстояло играть роль, которую она не выбирала. Роль вещи. Роль рабыни. Роль той, кто должна научиться просить, чтобы выжить.

Алиса провалилась в черную воду беспамятства, и последним, что коснулось ее сознания, было чувство, как сильные руки подхватывают ее обмякшее тело, прижимая к груди, словно она была не человеком, а дорогой куклой.

Дверь машины хлопнула. Двигатель взревел.

Парковка опустела. Дождь снова пошел. Единственным равнодушным свидетелем похищения, которое никто не видел, и никто не остановил, был мигающий фонарь.

А в темноте багажника, свернувшись калачиком, лежала та, кого звали Алиса. Сирота. Следователь. Женщина, у ко-

торой не было никого.

Но теперь у нее появился ОН. Тот, который решил ее сломать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.